

УДК 94(37).07

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ИДЕАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ РИМСКОГО СЕНАТОРА ДИОНА КАССИЯ

© 2021 г.

К.В. Марков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2021

Рассмотрена концепция репрезентации Дионом Кассием Римской империи как вселенского полиса, в котором есть только один город, Рим, а все остальные территории являются его «хорой» – сельской округой (ЛП.19.6). Сделаны следующие выводы: 1) версия Э. Бертран о постулировании Дионом цивилизующей миссии Рима как «космополиса» основана на специфической трактовке греческих терминов, вступающей в противоречие с контекстом; 2) рассуждения Диона на данную тему имеют ряд концептуальных совпадений с «Похвалой Риму» Элия Аристиды и по сути своей являются идеологическим конструктом, восходящим, вероятно, к эпохе Антонинов; 3) на фоне воззрений Элия Аристиды заметна специфика концепции Диона, проявляющаяся прежде всего в сопряженности идеи «единственного города» с программой централизации римской державы, коррелирующей с традиционным сенаторским взглядом на принципы взаимодействия между столицей и периферией империи.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, Дион Кассий, Элий Аристид, римская историография.

Последние три десятилетия отмечены активным изучением историко-мемориальных и потестарных дискурсов греческих авторов эпохи Второй софистики, писавших о Римской империи во II–III вв. н.э., т.е. во времена нового расцвета эллинского образования, учености и общественной мысли, получившего название «греческого возрождения»¹. В современных исследованиях, посвященных данному феномену, затрагивается в том числе проблематика отношения греков к римской державе и державности. Отмечается, что элита греческих городов демонстрировала лояльность, иной раз даже преданность Риму, но вместе с тем греки оставались сравнительно автономными в культурном отношении, в том числе в плане языка и образования, сохраняли традиции общественной жизни и местные управленческие структуры, гордились славным прошлым и достижениями классической Греции, а их видение окружающего мира было во многом элладоцентричным [5, р. 3; 6, р. 31–38].

На таком фоне выделяется творчество высокопоставленного римского сенатора греческого происхождения Диона Кассия, чья «Римская история» написана в анналистической манере и выдержана в духе традиций т.н. «сенаторского историописания» I–II вв.² Своей «родиной» (πατρίς) Дион называл греческий город Nikeю в провинции Вифиния (LXXX.5.3). Вместе с тем как высокопоставленный сенатор он в полной мере ощущал себя римским гражданином, представителем имперской власти, который

часто пишет о римлянах в первом лице и искренне переживает за судьбу Рима [9; 10]. В его труде содержится проект реорганизации империи, представленный в контексте дискуссии о наилучшей форме правления, которая разворачивается между Агриппой и Меценатом в присутствии Октавиана в 29 г. до н.э. В роли защитника единовластия выступает Меценат. Считается, что его речь носит программный характер и отражает взгляды самого Диона³. Одним из пунктов данной программы оказывается вопрос о взаимодействии между центральной властью и населением римских провинций: «(4) Каждое [из сословий] дополни таким количеством выдающихся людей (ἄριστοι ἂν ἀρέσασί σε), какое сочтешь наиболее подходящим, не ограничивая себя определенным их числом, ибо чем больше достойных людей (εὐδόκιμοι ἄνδρες) будет тебя окружать, тем легче будет своевременно справляться со всеми государственными делами, (5) и подданных (ἀρχομένους) будет проще убедить, что ты обращаешься с ними не как с рабами и не так, как если бы они были хуже нас, но разделяешь с ними не только все блага, выпавшие на нашу долю, но и власть (ἡγεμονίαν), дабы они заботились о ней, как о своей собственной (ὡς οἰκείαν αὐτὴν σπουδάζωσι). (6) Я не только не склонен отказываться от этих своих слов, словно признавая их неправоту, но и заявляю, что всем им необходимо предоставить права гражданства (ὥστε καὶ τῆς πολιτείας πᾶσι σφίσι μεταδοθῆναι φημι δεῖν), чтобы они, будучи с нами на равных

и в этом отношении, стали бы нам верными союзниками, как бы живущими с нами в одном городе (τινὰ μίαν τὴν ἡμετέραν πόλιν οἰκοῦντες) и считающими, что лишь он один является настоящим городом (ταύτην μὲν ὄντως πόλιν), а их собственные – деревни и села (τὰ δὲ δὴ σφέτερα ἀγροῦς καὶ κώμας)» (ЛП.19.4–6; пер. А.В. Махлаюка, К.В. Маркова). Ниже мы рассмотрим основные версии интерпретации данного пассажа и, отмечая более и менее убедительные аргументы исследователей, постараемся ответить на вопрос об истоках и политическом смысле представлений Диона о Риме как «единственном городе» империи.

Понимание данного текста во многом зависит от трактовки отдельных терминов. Следуя примеру Е.А. Черноусова [12, с. VI]⁴, мы переводим ἡ πολιτεία как «римское гражданство» (civitas Romana), тем более что в таком значении это слово часто употребляется в греческих текстах императорского времени [14, р. 77], в том числе в изданном в 212 г. н.э. эдикте Каракаллы о даровании статуса римского гражданина значительной части провинциального населения (P. Giss. 1.40: δίδωμι ἄλασιν πολιτείαν Ῥωμαίων χωρὶς τῶν δεδαικτιῶν). Такой версии перевода придерживался и Ф. Миллар. Более того, полагая, что речь Мецената была написана Дионом зимой 214–215 гг. и адресована именно Каракалле, он интерпретировал процитированный выше пассаж как отражение ситуации, возникшей в связи с изданием Constitutio Antoniniana, и вместе с тем реверанс в сторону правящего императора [15, р. 104–105]. Такое толкование вызывает ряд вопросов. Во-первых, если, согласно замыслу Диона, Меценат в своей речи предвосхищает мероприятие, проведенное в начале III в. н.э., не вполне понятно, почему же сам автор весьма критически отзывается об эдикте Каракаллы как преимущественно фискальной мере, истинный смысл которой заключался «не в оказании чести провинциалам», а в пополнении опустевшей казны за счет расширения числа налогоплательщиков (LXXVIII.[LXXVII].9.5). Во-вторых, предложение Мецената оказывается не вполне понятным в контексте реалий Августовского века, особенно в связи с упоминанием Диона о наставлении основателя принципата Тиберию «не переполнять город всяким сбродом и не записывать в граждане всех подряд, чтобы между ними и подданными существовала значительная разница» (LVI.33.3). Вот почему некоторые исследователи предлагают альтернативные варианты прочтения данной фразы.

Л. де Блуа, опираясь на перевод Э. Кэри, а также исходя из общего смысла рекомендации Мецената, полагает, что речь в данном отрывке

идет о привлечении «всех граждан» к «управлению» империей (ЛП. 19. 6: «I declare the citizens ought every one actually to be given a share in the government (τῆς πολιτείας)» [16, р. 361]. Такая интерпретация текста, в том числе передача греческого ἀρχόμενοι («подданные») английским citizens («граждане»), представляется в некоторой степени вольной и абстрагированной от исторической конкретики, ибо не вполне понятно, в чем должно было бы выражаться всеобщее участие в государственном управлении. Вместе с тем весьма убедительным выглядит вывод Л. де Блуа о том, что концепция Диона, будучи результатом смешения римской идеи Roma caput mundi и эллинистических представлений о «космополисе», представляет собой модель вселенского города-государства (πόλις), где Рим доминирует над ойкуменой как главный город (ἄστυ) над прилегающей к нему сельской округой (χώρα) [16, р. 370]. В пользу подобного представления Диона о «географии власти» свидетельствует то обстоятельство, что для обозначения Империи автор наряду с терминами ἡ ἀρχὴ ἢ τῶν Ῥωμαίων / ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή (imperium Romanum / imperium populi Romani) [17, р. 685] применяет формулировку «город и вся его держава» (XXXVIII. 36. 2: πόλις δέ, ἄλλως τε καὶ ἀρχὴν ἔχουσα; LXXIV.11.3: καὶ αὐτὴ [Ῥώμη] καὶ ἡ ἀρχὴ αὐτῆς). Особенно показательным является упоминание об обрушении части Колизея в результате пожара, вызванного молниями, когда пострадал не только Город, но и весь мир, находящийся под его властью (πᾶσαν τὴν οἰκουμένην αὐτῆς), ибо в театре находились люди из самых разных уголков империи (LXXIX[LXXVIII]. 26. 1). Выводы Л. де Блуа получили развитие в работе М. Колтелло-ни-Транной, где идеологема «ойкумена=римская хора» рассматривается как «геополитическая матрица» воззрений Диона на историю расширения пространства империи и историческую миссию Рима [18, р. 172].

Еще один вариант прочтения предложен Э. Бертран, согласно которой, термин ἡ πολιτεία следует понимать не как «римское гражданство», а как свойственный римлянам «гражданский образ жизни» [19, р. 720]. Такой вывод сделан в контексте изучения рефлексии Диона над последствиями перманентного расширения территории римской державы, коррелирующими с известной по «Географии» Страбона идеей положительного культурного эффекта римского империализма [20, р. 109–124]. Согласно Э. Бертран, для Диона римская экспансия и расширение пределов империи означали среди прочего распространение благ т.н. «полисного бытия» (la monde de la πόλις) на представителей «варвар-

ского мира» (*le monde barbare*), а контроль над покоренными территориями предполагал обеспечение безопасности, поддержание порядка и приобщение включенных в империю народов к образу жизни, присущему полису (*le mode de vie en πόλις*) [19, p. 719]. Данный подход проявляется, в частности, в характеристике, которую Дион дает Ближней Галлии: эта часть галльских земель, именуемая Тогата, во времена Юлия Цезаря выглядела более мирной, поскольку местное население облачилось в «римские городские одежды» (τῆ ἐσθῆτι τῆ Ῥωμαϊκῆ τῆ ἄστικῆ), т.е. приобщилось к соответствующему образу жизни (XLVI.55.5). Дион также отмечает положительные изменения в тех подконтрольных римлянам германских землях, где «оставались на зимовку римские легионы, основывались города (πόλεις), и варвары стали менять свой образ жизни по образцу римского» (LVI.18.2), что обеспечивало мирное сосуществование римлян с германскими племенами до той поры, пока наместник Вар не начал обращаться с подвластным населением как с рабами, обложив их произвольными поборами (LVI.18.2–4). Э. Бертран полагает, что именно «романизация» представлялась Диону залогом верности иноземцев Риму, и приводит в подтверждение два пассажа, в которых неологизм Ῥωμαῖζω применяется для характеристики тех народов, которые во время войны между Октавианом и Антонием либо заняли сторону юного Цезаря, либо поспешили заключить с ним мир вскоре после битвы при Акции (L.6.4: Ῥωμαῖζοντες; LI.1.5: ὅσοι καὶ πρότερον ἐρρωμαῖζον). Такая трактовка представляется не бесспорной, ибо в обоих случаях этот глагол мог обозначать как распространность на определенных территориях латинского языка, так и установление римского владычества. Более весомым аргументом представляется пример политики Помпея в отношении побежденных им киликийских пиратов и некогда подконтрольных им территорий. Дион сообщает, что умиротворить местное население удалось во многом благодаря мероприятиям по обустройству поставленных под римский контроль территорий, в том числе за счет основания новых поселений (XXXVI.37.4–6). Примечательно также, что, характеризуя политику Августа, Дион делает акцент не на завоеваниях, а на грамотной политике в отношении подвластных земель и союзников (LIV.9.1). Опираясь на перечисленные выше примеры, а также методологию некоторых современных исследований [20, p. 112–124], Э. Бертран заключает, что смысл рекомендации Мецената состоял в том, чтобы предложить Августу поделиться с населением империи «гражданским образом

жизни римлян», дабы обрести в их лице верных союзников Рима [19, p. 720]. Думается, что подобное толкование все же выходит за рамки того конкретного политического аспекта взаимоотношений между Римом и провинциями, которому посвящены 4–6-й параграфы в 19-й главе II книги. Речь, как мы видели, идет прежде всего о власти (ἡγεμονία), определении сути властной вертикали, соединяющей центр с периферией, метафорически сопоставленной с полисной структурой. Кроме того, при всей наглядности приведенных Э. Бертран примеров, следует отметить, что в представлении Диона цивилизующее воздействие римской экспансии на «варварский мир» имело определенные ограничения. Собственно, цель экспансии виделась ему отнюдь не в достижении «положительного культурного эффекта». Как убедительно показал М. Хозе, Диону, в отличие от ряда других античных авторов, не было свойственно стремление к моральной легитимации римских завоеваний. Его история формирования Римской империи – это написанный в фукидидовской манере рассказ о том, как римляне смогли преуспеть в мире, где сильное государство поглощает слабое, а отсутствие активной внешней политики и потеря господства влечет за собой уничтожение (XXXVIII.36. 1-3; XXXVIII.39.3) [7, s. 389]. Вместе с тем римская власть действительно могла представляться автору источником стабильности и благополучия по крайней мере для некоторых покоренных народов, о чем, например, свидетельствует упоминание том, как Тиридат, посетив города Малой Азии, восхитился могуществом и красотой Римской империи (LXII[LXIII].7.1). Тем не менее возможность истолковать предложение Мецената как план приобщить все население империи к «римскому гражданскому образу жизни» вызывает вопросы. «Римская история» изобилует этнографическими экскурсами, посвященными народам, проживавшим на окраинах римской державы, в том числе галлам, германцам, бриттам, паннонцам и т.д. Эти описания включают в себя целый ряд стандартных стереотипных представлений о «варварах», имеющих многочисленные аналогии в античной литературе: отсутствие городов, проживание в примитивных хижинах и шалашах, использование в качестве одежды шкур, скудость и простота пищи (в том числе травы, коренья), высокая численность (полчища, орды), импульсивность и стихийность поведения в бою, свирепость и жестокость, т.е. те черты, которые сближают туземное население с представителями животного мира [19, p. 712–714]. Описывая подобным образом население приграничных

территорий, Дион иной раз не делал различий между варварами, проживавшими по внешнему и внутреннему периметру державы. Например, многие из перечисленных выше стереотипов представлены в его характеристиках, данных паннонцам (XLIX.36) и британским племенам, уже включенным в состав империи (LXII. 5. 2–6, LXII. 7. 2–3). Пример описания образа жизни паннонцев особенно показателен, ибо Дион опирается в том числе на личные наблюдения, сделанные во время его пребывания в провинции Верхняя Паннония. О местном населении он судит с позиции просвещенного эллина, смотрящего на «дикарей», чей образ жизни представляется ему достойным сожаления (XLIX.36.2). Да, автор «Римской истории» признавал возможность изменения культуры и образа жизни населения окраин римского государства, но считал это стихийным процессом, требующим времени, ибо варвары не забывают в одночасье свои обычаи и нравы (LVI.18.2–3).

Таким образом, не ясно, в чем мог бы состоять предметный смысл рекомендации приобщить все население империи к «гражданскому образу жизни». Такой вариант перевода термина ἡ πολιτεία представляется несколько абстрактным на фоне конкретных предложений Мецената о включении провинциалов в социальную и политическую структуру империи (LII.19.4–5), и, следовательно, мы не можем признать его более предпочтительным по сравнению с версией о «римском гражданстве». Очевидно также, что толкование этого пассажа зависит от понимания того, кому именно предстояло стать бенефициарами предложений Мецената или кем могли быть «подданные» (ἀρχόμενοι), упомянутые в 5-м параграфе 19-й главы LII книги. Найти ответ на данный вопрос попытался А. Кимизис. Как давно уже было отмечено исследователями [16, р. 362], рассматриваемый пассаж имеет заметное сходство с идеями, представленными в «Похвале Риму» Элия Аристида (Or. XXVI. 59–64 Keil), который рассматривал римское гражданство прежде всего как атрибут и прерогативу провинциальных элит. Именно эту идею, согласно А. Кимизису, и развивает Дион, концепция которого некоторым образом отличается от эдикта Каракаллы. Эдикт был единовременной «акцией», проведенной в ответ на кризис и направленной на «установление прямой связи между правителем и народными массами в обход существующих иерархических структур и практик, в то время как в речи Мецената предоставление римского гражданства является частью комплекса мероприятий, направленных на включение провинциального населения в си-

стему имперской иерархии. Вместе с тем А. Кимизис не считает возможным отступать от текста и трактовать термин ἀρχόμενοι как-то иначе, нежели «все подвластное население за исключением рабов» [21, р. 99], но добавляет при этом, что основными претендентами на римское гражданство с точки зрения Диона могли быть те самые упомянутые в четвертом параграфе «достойные люди» (εὐδόκιοι ἄνδρες), которым предстояло стать посредниками во взаимоотношениях между периферией и центром империи [21, р. 98–100].

Действительно, можно согласиться с А. Кимизисом в том, что текст 5-го параграфа 19-й главы LII книги оставляет некоторое пространство для толкований, так же как, например, содержащееся в четвертом параграфе утверждение о предоставлении «подданным» (ἀρχόμενοις) «власти» (ἡγεμονίαν). Вместе с тем отметим, что отправным пунктом для рассуждений о Римской империи как о «космополисе», является предложение Мецената о пополнении каждого из римских сословий как можно большим количеством достойных людей (LII.19.4), что в известной степени приближает подход Диона к идее Элия Аристида о том, что в Римской империи «не остается в стороне ни один человек, достойный власти и доверия» (60). Есть еще ряд аспектов, сближающих рассуждения Аристида о римском гражданстве с представленной в речи Мецената концепцией: Рим как Город, «имеющий своими землями и границами весь населенный мир» (61); щедрая раздача статуса римского гражданина провинциальному населению (63); гражданство как инструмент налаживания союзнических отношений между властью и подданными, центром и периферией (62, 64). Очевидно, что в «Похвале Риму» представлено идеализированное видение имперских реалий [21, р. 93]. Сходным образом концепцию Диона также можно охарактеризовать как идеологический конструкт, восходящий если не непосредственно к речи Аристида, то, вероятно, к сфере идей эпохи Антонинов. Тем не менее воззрения Аристида и Диона оказываются разными по своей направленности. В трактовке Элия Аристида функционирование Рима как «вселенского полиса» предполагает соблюдение интересов провинциальных элит, развитие и процветание различных территорий, прежде всего, греческих городов (97–99), в то время как в «единственном Городе» идеальной империи Диона Кассия во главу угла поставлены интересы политической элиты Рима. В отношении провинций предусмотрена целая программа рестрикций. Городам запрещается иметь народные собрания, тратить средства на общественное строи-

тельство, устраивать празднества и зрелища, обеспечивать пожизненное содержание победителей соревнований (кроме победителей Олимпийских и Пифийских игр, а также игр, проводимых в Риме), иметь собственную монетную чеканку и свою систему мер и весов (ЛП. 30. 2–9). Все свои просьбы к императору они должны передавать не напрямую, т.е. отправляя посольства, но через наместника, который сам решает, какие просьбы одобрить, а какие отклонить (30. 9–10). Существует мнение, что сенатор Дион Кассий в данном случае стремился существенно уменьшить роль знати провинциальных городов как потенциальной опоры императора [22, с. 59]. Думается, что у Диона могли быть также некоторые другие мотивы. Дело в том, что историк отнюдь не первый из римских авторов, кто говорит о запретительной политике в отношении провинциальных городов. Еще Плиний Младший в письмах Траяну писал об ограничении расходов на строительство общественных сооружений и проведение игр (Ер. X. 39–40; 112–113). Он также делал запрос у императора насчет притязаний атлетов, необоснованно, с точки зрения Плиния, требовавших пособий в связи с победой на соревнованиях (Ер. X. 118–119); император же отвечал, что необходимо сократить подобные выплаты. Таким образом, уже при Антонинах на повестке дня стоял вопрос о контроле расходов городов, значительная доля которых приходилась на организацию празднеств и зрелищ. Вопрос этот был связан с проблемой выплаты налогов. Императоры назначали в города кураторов из числа всадников или сенаторов. Диону Кассию довелось быть таким куратором в Пергаме и Смирне, и, следовательно, он был хорошо знаком с перечисленным кругом проблем. Сам он устами Мецената обосновывает введение перечисленных выше запретов необходимостью предотвратить бесполезную растрату огромных средств. Тем интереснее отметить, что он, наоборот, призывает не экономить на зрелищах и строительстве общественных сооружений в самом Риме. В той же самой 30-й главе речи Мецената правителю предлагается украсить столицу «со всей возможной роскошью, не скупясь на расходы» и «придать ей блеск всякого рода празднествами» (30. 1). Возможно данное предложение является аллюзией на масштабную строительную программу, проведенную в столице во времена Септимия Севера, свидетелем которой стал сам автор «Римской истории». По подсчетам А. Гоунга, Дион прожил в Риме около двадцати двух лет [23, р. 117]. Очевиден его интерес к топографии и архитектуре вечно-го города [23, р. 118]. Некоторые сообщения на

эту тему имеют явную эмоциональную окраску. Например, Театр Помпея он характеризует как здание, «которым мы гордимся даже сегодня» [ῥ καὶ νῦν λαμπρυνόμεθα] (XXXIX.38.1). Складывается впечатление, что Дион, раскрывая устами Мецената концепцию «единственного Города» империи, мог рассуждать не только как консервативный римский сенатор, но и как житель города Рима.

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах Античности и Средневековья».

Примечания

1. К числу основополагающих работ по Второй софистике и «греческому возрождению» можно отнести статьи и монографии Д. Бауроска, Ю. Боуи, С. Свэйна, Т. Уитмарша [1–4].
2. О «Римской истории» Диона Кассия как «возрождении сенаторской историографии» см. [7, с. 356–451]; подробнее о жизни и творчестве Диона Кассия см. [8, с. 372–437].
3. Подробный обзор основных современных версий относительно трактовки речи Мецената см. в монографии А. Кимизиса [11, р. 127].
4. См. комментарий А.В. Махлаюка к данному пассажию в издании перевода кн. LI–LXXX [13, с. 79].

Список литературы

1. Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1969. 152 p.
2. Bowie E.L. Greeks and Their Past in the Second Sophistic // Past and Present. 1970. Vol. 46. P. 3–41.
3. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, ad 50–250. Oxford: Oxford University Press, 1996. 512 p.
4. Whitmarsh T. Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation. Oxford: Oxford University Press, 2001. 392 p.
5. Madsen J.M. A Roman Greek // Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision / Eds. J.M. Madsen, R. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 1–15.
6. Madsen J.M. Patriotism and Ambitions: Intellectual Response to Roman Rule in the High Empire // Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision / Eds. J.M. Madsen, R. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 16–38.
7. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart: Steiner, 1994. 586 p.
8. Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. С. 372–437.
9. Aalders C.D.J. Cassius Dio and the Greek World // Mnemosyne. 1986. 39.3–4. P. 282–304.

10. Ameling W. Griechische Intellektuelle und das Imperium Romanum: das Beispiel Cassius Dio // ANRW. Bd. II.34.3. 1997. S. 2472–2496.
11. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. 340 p.
12. Черноусов Е.А. Очерки по истории Римской империи 180–235 гг. Подготовка смуты III века. Харьков: типо-лит. М. Сергеева и К. Гальченка, 1911. 274 с.
13. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.
14. Masson H.J. Greek terms for Roman institutions: a lexicon and analysis. Toronto: Hakkert, 1974. 207 p.
15. Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford: Oxford University Press, 1964. 239 p.
16. Blois L. de. The World and City: Cassius Dio's View of the Roman Empire // L'ecumenismo politico nella coscienza dell' Occidente: Bergamo, 18–21 settembre 1996 / Ed. L. Aigner Foresti. Roma, 1998. P. 359–370.
17. Bertrand E. Point de vue de Cassius Dion sur l'imperialisme romain // Cassius Dion: nouvelles lectures / Eds. V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy, M. Molin, G. Urso. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 679–699.
18. Coltelloni-Trannoy M. La géographie dans l'Histoire romaine de Cassius Dion // Histoire et Géographie chez les auteurs grecs (République et Empire) / Eds. M. Coltelloni-Trannoy; S. Moret. Paris: Éditions de Boccard, 2018. P. 165–184.
19. Bertrand E. L'empire de Cassius Dion: géographie et imperium Romanum dans l'Histoire romaine // Cassius Dion: nouvelles lectures / Eds. V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy, M. Molin, G. Urso. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 701–724.
20. Ando C. The Roman City and the Roman Period // Rome, a City and Its Empire in Perspective. The impact of the Roman World through Fergus Millar's Research / Ed. Benoist S. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 109–124.
21. Kemezis A.M. Beyond City Limits: Roman Citizenship and Greek Authors in the 2c-3c CE // In the Crucible of Empire: The Impact of Roman Citizenship upon Greeks, Jews and Christians / Eds. K. Berthelot, J.J. Price. Leuven: Peeters, 2019. P. 73–103.
22. Смышляев А.Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66.
23. Going A.M. Cassius Dio and the City of Rome // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / Eds. J.M. Madsen, C.H. Madsen. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 117–135.

SPATIAL MODEL OF THE IDEAL ROMAN EMPIRE OF SENATOR CASSIUS DIO

K.V. Markov

The article deals with the conceptuality of Cassius Dio's representation of the Roman Empire as a universal *polis*, in which there is only one real city (*astu*), Rome, dominating over all other territories as its *hora*, a rural area (LII.19.6). As a result of the study, the following conclusions have been made: 1) E. Bertrand's version of Dio's postulation of the civilizing mission of Rome as a "cosmopolis" is based on a specific interpretation of Greek terms that contradicts the context; 2) the reasoning of Dio on this topic has a number of conceptual similarities with *The Roman Oration* of Aelius Aristides and is inherently an ideological construct, dating back, probably, to the era of the Antonines; 3) against the background of Aelius Aristides' beliefs, specificity of Dio's concept is especially detectable; it is manifested primarily in the contingency of the idea of "the only *polis*" with the centralization of Roman power, which correlates with the traditional senatorial view of the principles of interaction between the capital and the periphery of the Empire.

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, Cassius Dio, Aelius Aristides, Roman Historiography.

References

1. Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1969. 152 p.
2. Bowie E.L. Greeks and Their Past in the Second Sophistic // Past and Present. 1970. Vol. 46. P. 3–41.
3. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, ad 50–250. Oxford: Oxford University Press, 1996. 512 p.
4. Whitmarsh T. Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation. Oxford: Oxford University Press, 2001. 392 p.
5. Madsen J.M. A Roman Greek // Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision / Eds. J.M. Madsen, R. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 1–15.
6. Madsen J.M. Patriotism and Ambitions: Intellectual Response to Roman Rule in the High Empire // Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision / Eds. J.M. Madsen, R. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 16–38.
7. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart: Steiner, 1994. 586 p.
8. Makhlayuk A.V. Historian of the «Age of iron and Rust». Cassius Dion and his «Roman History» // Cassius Dion Kokkeian. Roman history. Books LXIV–LXXX / Translated from Ancient Greek. edited by A.V. Makhlayuk; comments and article by A.V. Makhlayuk. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University; Nestor-Istoriya, 2011. P. 372–437.
9. Aalders C.D.J. Cassius Dio and the Greek World // Mnemosyne. 1986. 39.3–4. P. 282–304.
10. Ameling W. Griechische Intellektuelle und das Imperium Romanum: das Beispiel Cassius Dio // ANRW. Bd. II.34.3. 1997. S. 2472–2496.

11. Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014. 340 p.
12. Chernousov E.A. Essays on the history of the Roman Empire 180–235. Preparation of the troubles of the third century. Kharkiv: typolithography M. Sergeeva and K. Galchenko, 1911. 274 p.
13. Cassius Dion Cocceianus. Roman history. Books LI–LXIII / Translated from Ancient Greek and edited by A.V. Makhlayuk; comments and article by A.V. Makhlayuk. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 680 p.
14. Masson H.J. Greek terms for Roman institutions: a lexicon and analysis. Toronto: Hakkert, 1974. 207 p.
15. Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford: Oxford University Press, 1964. 239 p.
16. Blois L. de. The World and City: Cassius Dio's View of the Roman Empire // L'ecumenismo politico nella coscienza dell' Occidente: Bergamo, 18–21 settembre 1996 / Ed. L. Aigner Foresti. Roma, 1998. P. 359–370.
17. Bertrand E. Point de vue de Cassius Dion sur l'imperialisme romain // Cassius Dion: nouvelles lectures / Eds. V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy, M. Molin, G. Urso. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 679–699.
18. Coltelloni-Trannoy M. La géographie dans l'Histoire romaine de Cassius Dion // Histoire et Géographie chez les auteurs grecs (République et Empire) / Eds. M. Coltelloni-Trannoy; S. Moret. Paris: Éditions de Boccard, 2018. P. 165–184.
19. Bertrand E. L'empire de Cassius Dion: géographie et imperium Romanum dans l'Histoire romaine // Cassius Dion: nouvelles lectures / Eds. V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy, M. Molin, G. Urso. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 701–724.
20. Ando C. The Roman City and the Roman Period // Rome, a City and Its Empire in Perspective. The impact of the Roman World through Fergus Millar's Research / Ed. Benoist S. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 109–124.
21. Kemezis A.M. Beyond City Limits: Roman Citizenship and Greek Authors in the 2c-3c CE // In the Crucible of Empire: The Impact of Roman Citizenship upon Greeks, Jews and Christians / Eds. K. Berthelot, J.J. Price. Leuven: Peeters, 2019. P. 73–103.
22. Smyshlyaev A. L. «The speech of the Patron» (Dio Cass. LII, 14-40): problems of interpretation // Bulletin of Ancient History. 1990. No. 1. P. 54–66.
23. Going A.M. Cassius Dio and the City of Rome // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / Eds. J.M. Madsen, C.H. Madsen. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 117–135.